

обыкновение и самого автора письма и вообще сторонников „барокко“ пользоваться термином, определить содержание которого они отказываются и предпочитают заменять его описанием. Но разве „патетичность, риторичность и декоративность“ характерны только для барокко (или того, что д-р Андьял и другие пазывают барокко)? Разве поэзию Виктора Гюго не обвиняли в „патетичности, риторичности и декоративности“, не называя его поэтом барокко, а вполне справедливо считая романтиком? Разве стихи Бальмонта и других русских ранних символистов («декадентов») не укоряли в „патетичности, риторичности и декоративности“?». ¹¹ Не принимая ни самого термина (барокко), ни описательных его определений, Павел Наумович обращается к истории, данные которой он неизменно предпочитал «абстрактной умозрительности».

Он напоминает нам о забытой, но чрезвычайно важной особенности русской и общеевропейской культуры XVII—XVIII вв. — о латинской образованности как основе всех гуманитарных наук и литературы того времени. Поэтому в объяснение литературной полемики Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова теперь Павел Наумович предлагает внести новый элемент — различие в истоках, разницу в воспринятых традициях: «Литературная подготовка Ломоносова и Тредиаковского, выросших, с одной стороны, на традициях прекрасно усвоенных материалов древнерусской письменности, а с другой, на традициях античной и новолатинской образованности, решительно превосходила дилетантскую в конечном счете подготовку Сумарокова и его учеников. И перед теми, и перед другими стояла почти в одно и то же время <...> одна и та же задача: усвоить новейшие литературные течения Запада, точнее — Франции и Германии. Но решали они ее по-разному в силу тех причин, о которых говорилось выше: традиции и подготовка были у них разные». ¹²

Так Павел Наумович предложил новое объяснение внутренней борьбы в русском классицизме — объяснение, вытекающее из всей его прежней работы над Ломоносовым, но впервые так отчетливо и убедительно сформулированное. Ибо задача, которую ставил перед собой ученый в этой статье, — определить место Ломоносова в литературном движении его времени — не сводилась только к выяснению причин расхождений между Ломоносовым и Сумароковым, она требовала и объяснения возможности их сближения, объяснения того, почему деятельность создателей новой русской литературы «была в целом направлена по одному пути: они усваивали то, что нужно было русской литературе на тогдашнем этапе ее развития, усваивали то, что впо-

---

¹¹ Там же, с. 15.

¹² Там же, с. 31.